

КНЯЗЬЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В СИСТЕМЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ОБОРОТА В XVI В. (НА ПРИМЕРЕ ЛУЦКОГО ПОВЕТА ВОЛЫНСКОГО ВОЕВОДСТВА)

Андрей Блануца

ABSTRACT

The article is devoted to the historical studies of a princely landownership concentration in *Volhyn* lands in the 16th century. This landownership was the highest in all the Grand Duchy of Lithuania. According to historical materials, in first third of the 16th century *Volhynian* princes owned 44% of all landed fund of *Volhyn* (in correlation with 'pans' and 'zemiane' landownership; the royal and church was insignificant), in the last third it slightly grew up to 45%. In the end of century these indexes remained unchanging. In *Lutsk* district of the *Volhynian* province a level of concentration of princely landownership was a few other. In last third of the 16th century princes owned 40% lands, and on the end of century it percent correlation diminished to 38%. Such calculations are conducted by author on materials of *Lutsk* deed books, and it allowed to trace and to analyze the specificity of the landed circulation of *Volhynian* princes in details.

KEY WORDS: princely landownership, *Volhyn* land, *Lutsk* district, Grand Duchy of Lithuania, Poland, history of the 16th Century, deed books.

ANOTACIJA

Straipsnyje pateikiama LDK XVI a. kunigaikščių žemėvaldos Volynės žemėje ir Lucko paviete istorinių studijų medžiaga. LDK kunigaikščių žemėvaldos apimtys čia tuo metu buvo didžiausios. Remiantis istoriniais šaltiniais, XVI a. pirmojo trečdalyje laikotarpiu Volynės kunigaikščiai valdė 44% žemės (likusioji dalis priklausė 'pans' ir 'zemiane' nuosavybei, karaliaus ir Bažnyčios valdų plotai buvo nedideli). XVI a. trečiojo trečdalyje laikotarpiu kunigaikščių žemėvaldos plotai pasiekė 45%. Pačioje amžiaus pabaigoje šis santykis iš esmės nepakito. Tuo tarpu Lucko paviete XVI a. trečiojo trečdalyje laikotarpiu kunigaikščiai valdė ženkliai mažiau žemės – 40%, o amžiaus pabaigoje – tik 38%. Šią statistiką straipsnio autorius pateikia remdamasis Lucko pavieto teismo aktų knygu medžiaga, taip pagrįsdamas specifinę šio pavieto kunigaikščių žemėvaldos raidos situaciją visos Volynės žemės kontekste.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: kunigaikščio žemėvalda, Volynės žemė, Lucko pavietas, Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė, Lenkija, XVI a. LDK istorija, teismo aktų knygos.

*Dr. Andriy Blanutsa, Institute of History of Ukraine
National Academy of Sciences of Ukraine
Department of Ukraine Middle Ages and Early New Times History
St. Grushevskogo, 4, ap. 509, UA-01001 Kiev, Ukraine
E-mail: an_blan@mail.ru*

В процессе земельного оборота шляхетских владений на украинских землях Великого княжества литовского (далее – ВКЛ) и Речи Посполитой важное место занимали князья – представители наивысшей элитной группы. Данная статья посвящена изучению роли князей Великого княжества Литовского, а после Люблинской унии 1569 г. и Речи Посполитой в системе перераспределения земельных владений внутри элитного (шляхетского) сословия на территории Луцкого повета Волынского воеводства в период после реформ 1564-1566 гг. и до конца XVI ст.

Источниками к анализу этой проблематики послужили актовые книги земского и градского судов Луцкого повета с 1566 г. по 1599 г.

В историографии проблема оборота шляхетских земельных владений освещена недостаточно, особенно, что касается украинских земель исследуемого периода. Например,

в работе украинского историка В. Собчука изучены социально-экономические и генеалогические сюжеты шляхетского землевладения на территории Кременецкого повета Волынского воеводства XVI ст. (Собчук 2002). В монографии российского исследователя С. Пашина проведен анализ проблемы генеалогии и земельных владений перемышльской шляхты второй половины XIV – начала XVI века (Пашин 2001). Сравнительно лучшим есть положение изучения вопросов шляхетского землевладения в польской историографии. Обращают внимание работы, в которых освящаются проблемы реконструкции земельных владений разных групп населения. В частности, Л. Поляшевский сделал реконструкцию шляхетского землевладения в рамках Калиского воеводства в XVI ст. (Polaszewski 1976), а М. Бискуп – Хелминского и Мальборского воеводств во второй половине XVI ст. (Biskup 1957). Особенно нужно отметить работы польских историков Х. Лашкевича и А. Пошьпеха, которые есть тематически близкие к данной статье. Итак, в монографии Х. Лашкевича исследовано торговые операции с земельными владениями хелминской шляхты второй половины XVII ст. (Łaszkiwicz 1998). А. Пошьпех объектом своего исследования определил оборот шляхетских земельных владений в Калиском повете конца XVI – середины XVII ст. (Pośpiech 1989).

Значительный вклад польские ученые сделали в изучении правовых аспектов шляхетского землевладения. Например, вопросам заставного владения на польском праве посвятил свою монографию Я. Матушевский (Matuszewski 1979). Отдельные работы посвящены исследованию вопросов шляхетского землевладения на литовско-русском праве (Я. Адамус, П. Домбковский: Adamus 1925; Dąbkowski 1916), а также на польском праве периода средневековья и раннемоделного времени (Б. Лесинский: Lesiński 1971; 1976; 1980).

На Волыни в XVI ст. концентрация княжеского землевладения была самой высокой в Великом княжестве Литовском. Если в первой трети XVI ст. волынские князья владели 44% земельного фонда Волыни (в соотношении с панским и земянским землевладением; королевское и церковное было незначительным), то в последней трети – 45%. На конец столетия эти показатели остались неизменными.

В Луцком повете Волынского воеводства уровень концентрации княжеского землевладения был несколько иным. В последней трети XVI ст. князья владели 40% земли, а на конец столетия это процентное соотношение уменьшилось до 38%. Такие исчисления проведены автором по материалам Луцких гродских и земских актов книг, что позволило детально проследить и проанализировать специфику земельного оборота волынских князей (Блануца 2005:163-168).

Согласно с авторскими подсчетами в пределах Луцкого повета на протяжении 1566-1599 гг. зафиксированы 868 шляхтичей, которые принимали непосредственное участие в заключении договоров купли-продажи, заклада, дара, аренды и обмена¹.

Отметим, что шляхта на украинских землях ВКЛ и Речи Посполитой составляла единое сословие лишь де-юре, однако деление, что выступало внутри сословия, было достаточно пестрым. Оно зависело от шляхетского статуса, традиции и престижа рода. Несомненно, что такое деление было тесно связано с материальным состоянием всего рода. В польской историографии принимаются разные критерии деления шляхетского сословия на его

¹ Исчисления сделанные по материалам: Центральний державний історичний архів України в м. Києві (далі. – ЦДАУК, ф. 25 (Луцький гродський суд), спр. 8-19, 21-27, 29, 31-32, 34, 37-40, 43-46, 48, 50, 53-55, 57, 459-460; ф. 26 (Луцький земський суд), спр. 1-13, 62.

внутренние группы и прослойки. Чаще всего таким критерием выступает количество сел или их части, которыми владели шляхтичи, а также уряды, которые они занимали на поветовом или воеводском уровне. Для определения социальной градации в пределах шляхетского сословия автор принял классификацию структуры групп и прослоек привилегированного сословия Волыни и Центральной Украины середины XV – первой половины XVII ст., разработанную украинским исследователем Н. Яковенко (1993). Эта классификация включает у себя князей, панов, шляхту-земян, шляхту-голоту и панцирных бояр. Важным аспектом нашего исследования является выяснение оборота и соотношения княжеского и панского землевладения к другим группам шляхты. Для этого мы условно объединили три шляхетские прослойки (шляхту-земян, шляхту-голоту и панцирных бояр) в одну – шляхту-земян.

Следовательно, между количеством участников оборота земельных владений в Луцком повете существовала такая пропорция. Княжеская группа составляла 7,6% от всех участников оборота поместий, панская – 15,2%, группа шляхтичев-земян – 75,1%, а другие – 2,1%². К категории «другие» относятся участники договоров-транзакций не шляхетского происхождения. В основном, это евреи, духовные лица и мещане.

Менее всего договоров-транзакций среди трех групп господствующего сословия заключали князья, общая доля которых составляет 13,6% от общего количества участников контрактов. Однако эта количественная характеристика не является показательной для общего результата оборота земельных владений шляхты. Соотношение же с качественными показателями (сума и величина оборота), что показано в статье ниже, даст полную картину данной проблематики.

Показательным есть то, что представители княжеской прослойки более активно участвовали в договорах обмена (20,8%) и заставных контрактах (16,6%), в результате заключения которых происходило неполное отчуждение маестностей или же делалась замена на другие владения. Таким образом, можно предположить, что представители княжеской прослойки понесли минимальные потери своих земельных владений в процессе регионального оборота шляхетских земельных владений отмеченного периода. Самые же низкие показатели характерны и для арендных договоров, и купчих (соответственно 9,3% и 10,9%). Низкий уровень оборота земельной собственности на условиях полного отчуждения княжеских владений подтверждается отмеченными показателями контрактов купли-продажи. На таких же условиях происходил оборот владений при оформлении дарственных соглашений, активными участниками которых также были князья. Однако такой оборот происходил в основном в кругу близких родственников, а княжеские дарования своим слугам-клиентам составляли незначительную долю от всех дарственных контрактов.

Определенную коррекцию относительно активности заключения договоров-транзакций вносят показатели среднего количества контрактов, которые приходились на одного представителя той или другой шляхетской группы. Таким образом, среднем на одного представителя княжеской прослойки приходилось заключение 3,4 отмеченных контрактов (без дарований), на панскую группу – 4,2, а менее всего – на прослойку шляхти-земян, один представитель которой оформлял не больше, чем 1,3 договора³.

² Исчисления сделанные по материалам: ЦДІАУК, ф. 25 (Луцький гродський суд), спр. 8-19, 21-27, 29, 31-32, 34, 37-40, 43-46, 48, 50, 53-55, 57, 459-460; ф. 26 (Луцький земський суд), спр. 1-13, 62.

³ Там же.

Отсюда можно прийти к выводу, что общая активность шляхты-землян в сфере заключения договоров-транзакций не подтверждается персональными результатами заключения договоров отдельными ее представителями. Относительная же пассивность княжеской группы – наоборот, компенсируется весомыми результатами заключения договоров отдельными ее членами. На одного представителя панской прослойки, как выяснилось, приходилось наибольшее число соответствующих контрактов – 4,2.

Следовательно, если принимать во внимание то, сколько контрактов в среднем приходилось на одного представителя той или иной шляхетской группы, то оказывается, что самыми активными участниками оборота шляхетских земельных владений в пределах Луцкого повета были паны и князья.

В процессе заключения договоров купли-продажи второе место после панов заняли князья. Они активно скупали, а также продавали свои поместья, следствием чего стали минимальные потери их владений (только в 13 случаях больше продавали, чем покупали). Если паны и князья сумели преумножить и расширить свои владения, то шляхтичи-земляны вынужденные были больше продавать, чем покупать, а поэтому и теряли свои владения.

Значительную активность в процессе заставы поместий (значит и потери своих владений на определенный срок) проявили представители панской и, особенно, княжеской прослоек. Последние втрое больше отдавали под заставу свои поместья, чем брали в заставное владение. Представители княжеской группы вообще не практиковали пользоваться арендованными поместьями – они лишь отдавали их в аренду другим шляхтичам.

В финансовом отношении самую большую прибыль от операций купли-продажи получили шляхтичи-земляны, баланс которых имел плюсовой показатель и составил свыше 30.000 коп грошей. Вдвое меньшие прибыли получили репрезентанты княжеской группы. Представители же панской прослойки понесли потери в сумме свыше 34.000 коп грошей⁴.

Таким образом, показатели баланса приобретения и потери владений в целом подтверждают наш вывод о большей активности в сфере оборота шляхетских земельных владений представителей панской и княжеской группы, сравнительно с шляхтой-землянами.

Представители княжеской прослойки больше всего получали кредиты, очень активно отдавая свои владения в заставу. Общая сумма полученных ими кредитов достигла свыше 300.000 коп грошей. Нужно также отметить и значительную кредиторскую деятельность князей. В целом они предоставили кредитов, сумма которых оказалась не намного меньшей от суммы кредитов, предоставленных шляхтичами-землянами, и составляла свыше 200.000 коп грошей⁵.

Подобная ситуация относительно предоставления и получения кредитов прослеживается и с арендными договорами. Как и в случае с заставами, шляхтичи-земляны тратили большие суммы на получение арендных земельных владений, чем предоставление их в аренду. Денежный баланс приобретения-потери земельных владений представителей панской группы остался почти одинаковым. Вместо этого князья лишь отдавали свои земли в аренду другим шляхтичам, в результате чего получили кредитов на сумму свыше 5.000 коп грошей.

Таким образом, самую большую прибыль (общая сумма свыше 136.000 коп грошей) от осуществления оборотных операций получили князья. Самые большие потери (почти 90.000

⁴ Там же.

⁵ Там же.

коп грошей) понесли представители группы шляхты-землян. Вместо этого потери панов были минимальные (около 36.000 кип грошив)⁶.

Нетрудно убедиться, что выраженные в историографии утверждения об экономическом могуществе волынских княжеских семей и магнатории подтверждаются конкретными данными регионального исследования поземельных операций шляхты, что имели место в Луцком повете второй половины XVI ст.

Чтобы проследить тенденции изменений в структуре земельной собственности шляхты Луцкого повета есть потребность рассмотреть конкретные случаи приобретения и потери владений шляхты, а также передачи этой собственности в заставу или аренду. Относительно этого большую роль играли лица, которые осуществляли такие контракты, а также их социально-политический статус. При определении самых активных контрактантов к вниманию брались такие основные критерии: 1) количественные показатели контрактов, какие они осуществляли (в результате заключения этих договоров происходил переход земельных владений в полную и частичную, на определенный срок, собственность); 2) показатели величины оборота отмеченных контрактов. Основными источниками при исследовании вопроса, что рассматривается, есть договоры купли-продажи, заставы и, в меньшей степени, аренды.

Самым активным участником оборота шляхетских земельных владений среди князей был Юрий Чорторийский. На протяжении 1583-1599 гг. он осуществил 9 операций купли-продажи и 43 заставы. Показательно, что этот князь лишь в двух случаях предоставил кредитов на общую сумму 1.400 коп грошей, получив за это владения в заставу. Вместо этого он получил значительные прибыли с выгодой для себя, отдавая в заставу свои имения и села, преимущественно на небольшой срок (1-3 года). В результате князь получил прибыль от своих заставных контрактов в сумме 56.227 коп грошей, что дало ему возможность приобрести города Клевань и Белев, село и монастырь Пересопницу⁷, две усадьбы в Луцке⁸, а также села Грушвицу, Передел, Янев и Новоселки⁹. На эти приобретения он потратил 17.000 коп грошей. В большинстве же случаев (3 с 6) Ю. Чорторийский осуществлял операции продажи, увеличив таким путем свою казну на 5.600 коп грошей. В результате трех операций купли-продажи он частями продавал свое село Куколь шляхтичам Богдану¹⁰, Петру¹¹ и Ивану¹² Кукольским. За эти продажи князь получил от каждого покупателя по 1.000 коп грошей. Показательно, что князь начал продавать или покупать земельную собственность только с 1596 г. До указанного года он активно заставлял свои владения – его первый договор заставы был зафиксирован в 1583 г. Получив немалую прибыль от застав, для него открылась возможность расширить свои владения способом купли поместий. Вообще в результате 17-годовой деятельности на земельном рынке, Ю. Чорторийский неплохо укрепил свое земельное положение и получил большую прибыль – более 44.000 коп грошей.

⁶ Там же.

⁷ ЦДІАУК, ф. 26, оп. 1, спр. 11, арк. 14 зв.-19 зв.

⁸ Там же, арк. 26 зв.-29.

⁹ Там же, спр. 12, арк. 32-34.

¹⁰ Там же, спр. 11, арк. 314 зв.-317.

¹¹ Там же, спр. 12, арк. 137-141.

¹² Там же, спр. 13, арк. 982-983 зв.

Подобную экономическую деятельность осуществлял еще один представитель влиятельной княжеской прослойки – Юхим Корецкий. Правда, он несколько уступал размаху экономических операций Ю. Чорторийскому. Ю. Корецкий осуществил 5 торговых операций своими поместьями, в четырех из них продавал, а в одной – покупал. За продажу своих маестностей (села Радомысль и Сухая Воля¹³, имения Русивль и Капустин¹⁴, Витковичи¹⁵ и Сосники¹⁶) он получил 3.400 коп грошей. Судя по тому, что, приобретенные им в 1597 г. села Железници и Сосники¹⁷ он заплатил 4.000 коп грошей, князь увеличивал свои владения. Характерной особенностью заставных операций, которые осуществлял Ю. Корецкий, было то, что он не в одном случае не выступал в роли кредитора. Это означает, что князь не пользовался заставными владениями – он только сдавал свои поместья в заставу другим шляхтичам. Красноречивым подтверждением этого факта есть 24 договора заставы, которые ему принесли значительную прибыль – их общая сума достигла 40.000 коп грошей. Симптоматично, что четвертую часть от указанной прибыли Ю. Корецкий получил от заключения договора заставы, согласно с которым князь отдал в заставу 34 села Корецкой волости своей жене Ганне Корецкой (1583 г.), получив кредит в сумме 20.000 золотых польских¹⁸ (= 10.000 коп грошей). Таким образом, в результате своей деловой активности Ю. Корецкий расширил свои владения. Полученная им прибыль тоже была достаточно весомая – 39.000 коп грошей. Нужно акцентировать внимание на том, что и Ю. Чорторийский, и Ю. Корецкий принадлежали к «княжатам главным», которые репрезентировали самых мощных князей внутри княжеской группы (Яковенко 1993:100) (другие князья носили титул «князей-поветников»). Характерно, что «главные княжата» разнились среди других экономическим и материальным могуществом. К этому же в источниках прослеживается стабильность их земельных владений с конца XIV века (Яковенко 1993:100).

Весомыми показателями финансового оборота от заставных операций мог похвастаться киевский воевода князь Константин Острожский. Осуществляя такие операции, в двух случаях он отдавал свои владения в заставу, а еще в двух случаях – предоставлял кредиты. В целом, от заставных сделок князь получил 3.650 коп грошей, вместо этого кредитовал 161.900 коп грошей, из которых 9.500 коп Ю. Корецкому (в 1583 г.)¹⁹, а 152.400 коп – своей племяннице княжне Галжбете Острожской, получив в заставное владение все ее родовые поместья (в 1573 г.)²⁰

Уже по этим данным К. Острожского, бесспорно, можно отнести к самым крупным инвесторам не только Волыни, но и всего государства.

Путем купли и продажи формировали свои владения в Луцком повете и Волыни и новые (так называемые пришлые) князья – Пронские (эмигранты из Российского государства) и Пузины, что прибыли на Волынь со Смоленщины во второй половине XVI ст. – до этого его побуждало бракосочетание. Князь Юрий Пузина взял себе за жену дочь владимирского

¹³ Там же, спр. 4, арк. 333 зв.-334 зв.

¹⁴ Там же, спр. 5, арк. 60-63 зв.

¹⁵ Там же, спр. 7, арк. 564-566.

¹⁶ Там же, спр. 11, арк. 353 зв.-355.

¹⁷ Там же, спр. 12, арк. 176 зв.-177 зв.

¹⁸ Там же, спр. 4, арк. 373-374.

¹⁹ ЦДАУК, ф. 26, оп. 1, спр. 4, арк. 341-342.

²⁰ Там же, ф. 25, оп. 1, спр. 14, арк. 390-391 зв.

войского Василия Гулевича Ганну Гулевичевну. Сначала князь вместе с женой продали в 1587 г. шляхтянке Марии Челганской имения Жидкую и Минцовую Воли, получив прибыль в сумме 3.200 коп грошей²¹. Немного позже (в 1590 г.) Ю. Пузина уже сам осуществил куплю у своего тестя. В результате сделки князь приобрел имения Длинное, Борисковичи и Цевов за 750 коп грошей²². Одну куплю осуществил и другой представитель семьи Пузин – Григорий, заплатив супругам шляхтичей Ивану и Раине Батковским (в 1598 г.) 2.500 коп грошей за часть села Борисовичи²³.

Определенная финансовая выгода от заключения договоров продажи имел и член княжеской семьи Пронских – Александр. Для начала в 1584 и 1585 годах он осуществил две купли. В частности, князь приобрел в луцкого войского Ивана Чаплича-Шпановского село Радоховку за 3.000 коп грошей²⁴, а у шляхтича Михаила Боговитина-Козирадского купил поместье в Кременецком повете за 6.000 коп грошей: г. Шумск и села Васковцы, Крогульцы, Литовищи, Теремни, Токари, Боложивцы и Степановку²⁵.

А. Пронский получил значительную прибыль и от продажи своих поместий. Так, в 1593 г. он продал шляхтичу Дмитрию Долматовичу-Исайковскому пятую часть имений Чекни, Ворсавина, Яловичев и Котели за 1.150 коп грошей²⁶, а в 1595 г. – шляхтичу Адаму Горайскому г. Жуков и села Новоселки, Старый Жуков, Новый Став и Суховцы за 50.000 золотых польских²⁷ (= 25.000 коп грошей). По нашим подсчетам, прибыли князя от продаж в целом составили свыше 26.000 коп грошей.

Таким образом, выясняется, что оборотные операции с земельными владениями среди князей наиболее активно осуществляли «княжата главные». Вместо этого представители группы «княжат-поветников» не имели таких значительных финансовых возможностей. Некоторые из них, например, князь Остафий Сокольский (Яковенко 1993:188), занимали земские уряды, на которых традиционно делали свою карьеру представители низших шляхетских групп и прослоек. Например, согласно с Переписью войска Великого княжества Литовского 1528 г., 12 родов «княжат-поветников», что составили 63% от княжеской прослойки, владели 16% земель (1.008 волок) от общего размера княжеского земельного фонда Волыни. Одновременно 7 родов (37%), отнесенных к группе «княжат главных», сконцентрировали в своих руках 84% земель Волыни (5.382 волок), то есть больше, чем в пять раз от «княжат-поветников»²⁸.

Состоянием на 1570 г. земельные позиции княжеских групп понесли некоторые изменения, главным образом уменьшением процентной доли землевладений «княжат-поветников» сравнительно с земельными владениями «княжат главных». Так, согласно с материалами Поборового реестра Волынского воеводства за 1570 г., 14 родов (соответственно 64% от общего количества княжеской прослойки) представителей группы «княжат-поветников»

²¹ Там же, спр. 37, арк. 55 зв. –58 зв.

²² Там же, ф. 26, оп. 1, спр. 7, арк. 433-434 зв.

²³ Там же, спр. 12, арк. 837-839.

²⁴ Там же, спр. 5, арк. 128-131 зв.

²⁵ Там же, спр. 5, арк. 232-237.

²⁶ Там же, спр. 8, арк. 170-173 зв.

²⁷ Там же, спр. 62, арк. 817-820.

²⁸ Подсчитано по материалам: Российский государственный архив древних актов. ф. 389, оп. 1, д. 523, л. 200 об.-208 об. См. также: Перепіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга публічных спраў 1, Мінськ 2003, с. 148-151.

владели 14% (1.110 волок) земель Волинского воеводства. Владения «княжат главных» изменились в сторону увеличения. В частности, представители 8 родов (соответственно 36%) группы «княжат главных» сосредоточили в своих руках 86% землевладений региона (6.944 волок)²⁹, то есть их владения увеличились на 2%, в сравнении с 1528 г.

Такая ситуация свидетельствует о том, что княжеский титул не всегда обеспечивал носителя этого титула большим материальным состоянием. В общем, данное исследование показало, что князья и в период после реформ 1564–1566 гг. продолжали, как и прежде, играть важную роль в социально-экономическом развитии Волыни, а также активно участвовать в процессе перераспределения земельных владений внутри шляхетского сословия.

Источники, литература

- ADAMUS, J. *Zastaw w prawie Litewskim XV i XVI wieku*. Lwów, 1925.
- BISKUP, M. *Rozmieszczenie własności ziemskiej wojewódstwa Chełmińskiego i Malborskiego w drugiej połowie XVI w. (mapa i materiały)*. Toruń, 1957.
- DĄBKOWSKI, P. *Dobra rodowe i nabyte w prawie litewskim od XIV do XVI wieku*. Lwów, 1916.
- ŁASZKIEWICZ, H. *Dziedzictwo czy towar? Szlachecki handel ziemią w powiecie chełmskim w II połowie XVII wieku*. Lublin, 1998.
- LESIŃSKI, B. Prawne problemy własności ziemskiej w średniowiecznej Polsce. In *Czasopismo prawno-historyczne*, 1971, t. XXIII, z. 2.
- LESIŃSKI, B. Wyderk czyli sprzedaż nieruchomości z prawem odkupu w prawie polskim od XV do XVII wieku. In *Czasopismo prawno-historyczne*, 1976, t. XXVIII, z. 1.
- LESIŃSKI, B. O prawnych formach kredytu w Polsce średniowiecznej. In *Czasopismo prawno-historyczne*, 1980, t. XXXII, z. 2.
- MATUSZEWSKI, J. *Zastaw nieruchomości w polskim prawie ziemskim do końca XV stulecia*. Uniwersytet Łódzki, 1979.
- POLASZEWSKI, L. *Własność feudalna w województwie Kaliskim w XVI wieku*. Poznań, 1976.
- POŚPIECH, A. *Majątności na sprzedaż. Szlachecki handel ziemią w przemiany struktury majątkowej w powiecie Kaliskim w latach 1580-1655*. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1989.
- БЛАНУЦА, А. *Обіг земельних володінь волинської шляхти в другій половині XVI ст. (на матеріалах Луцьких актових книг 1566–1599 рр.)*. Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2005.
- ПАШИН, С. *Перемышльская шляхта второй половины XIV – начала XVI века. Историко-генеалогическое исследование*. Тюмень, 2001.
- СОБЧУК, В. *Знать Південної Волині на схилі середніх віків. Историко-генеалогічне та історико-географічне дослідження*, Автореф. дис. канд. наук, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, Інститут народознавства. Львів, 2002.
- ЯКОВЕНКО, Н. *Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна)*. Київ, 1993.

PRINCES OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND POLAND IN THE SYSTEM OF LANDOWNERSHIP SIRCULATION IN THE 16TH CENTURY (EXAMPLE OF LUTSK DISTRICT OF VOLHYN LAND)

Andriy Blanutsa

The National Academy of Sciences, Ukraine

Summary

The concentration of princely landownership in *Volhyn* land was the highest in Grand Duchy of Lithuania in the 16th century. If in first third of the 16th Century *Volhynian* princes owned 44% landed fund of whole *Volhyn* (in correlation with ‘*pans*’ and ‘*zemiane*’ landownership; the royal

²⁹ Подсчитано по материалам: Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Skarbu Koronnego. sygn. 31, nr. mikr. 32745, к. 202-274 зв.

and church was insignificant), in the last third of the 16th Century – 45%. These indexes remained unchanging in the very end of the century.

The level of concentration of princely landownership was a few other in *Lutsk* district of the *Volhynian* province. In last third of the 16th century princes owned 40% lands, and on the end of century it's correlation diminished to 38%. Such calculations are conducted by author on materials of *Lutsk* deed books, and it allowed to trace and to analyze the specificity of the landownership circulation of *Volhynian* princes in details.

Consequently, a princely group was 7,6% from all participants of turn of manors, '*pans*' – 15,2%, group of '*zemiane*' – 75,1%, other (Jews, clergy, petty bourgeois) – 2,1%. Princes concluded at least agreements-transactions among three groups of dominating estate. The general part consisted of 13,6% from the common amount of participants of contracts there. However there were on the average 3,4 contracts (buying-sale, exchange, outpost) on one representative of princely group, on the representative of '*pans*' group – 4,2, and '*zemiane*' – 1,3 agreements.

Princes bought up lands actively, and also sold the manors, by investigation what the minimum losses of their domains became (only in 13 cases sold anymore, what it was bought). '*Pans*' and princes managed to increase and extend the domains, '*zemiane*' were forced more to sell, than to buy, and their domains diminished therefore. In financial relations the greatest income from the operations of buying-sale was collected by '*zemiane*' is over 30 thousand '*kip of Lithuanian groshiw*'. A twice less income was got by representatives of princely group. The representatives of '*pans*' group sustained losses in a sum total over 34 thousands '*kip of Lithuanian groshiw*'. Princes have got credits mostly, giving the domains in paying very actively. The general amount of the credits got by them attained over 300 thousand '*kip of Lithuanian groshiw*'. Princes gave credits also (over 200 thousand '*kip of Lithuanian groshiw*').

As the most active participants of circulation of nobility of the landed domains among princes might be mentioned George Chortoryyskiy, Yukhim Koretskiy, Konstantin Ostrozhskiy, Alexander Pronskiy, and George Puzina.

Gauta 2006 m. spalio mėn.